

Реальный текст ЕГЭ по русскому языку 2019. Можяев «В солнечный день я приехал...»

А в тот солнечный день я приехал в Гусь-Железный полюбоваться на озеро, искупаться, поплавать в нем. Доехал до речки, поднялся на бугор, глянул и... о, боже! Нет озера. По широкой впадине, окаймленной дальней опушкой бывшего прибрежного леса, текла, извиваясь, узкая, местами пересыхающая речушка. И старинной плотины, высокой, кирпичной, с чугунными шлюзами, в темных казематах которой, по преданию, разбойная баташовская братия чеканила фальшивые деньги, тоже не было. Шлюзы, регулировавшие сток, убрали, засыпали – и затянуло озеро тиной да ряской. На месте этом проходила обыкновенная дорожная насыпь; дорога делала крутой поворот, огибала белый двухэтажный барский дом, похожий на длинную казарму, заломанный чахлый парк и снова вырывалась на простор.

Главный врач детского санатория, размещенного в барском доме, показывал мне давние фотографии этого исчезнувшего озера, высокой кирпичной плотины, игрушечных торговых рядов с доисторическими портиками, водил по внутренним покоям огромного дома, заново перегородженного, приспособленного для иных надобностей. Переделка и ремонт когда-то выполнены были наспех – половицы скрипят и хлябают под ногами, двери перекошены, в оконные рамы задувает свежий ветерок.

– Сохранилась хоть одна комната от давнего времени? – спросил я. – С полами, дверями и окнами?

– Полы, двери и прочее – все порастащили. А вот стены и потолок сохранились в одном месте. Идемте, покажу.

Он ввел меня в зал, кажется в теперешнюю столовую, с белыми строгими пилястрами, с лепным потолком.

– Полы здесь были, говорят, наборного паркета, двери орехового дерева с бронзовой инкрустацией, люстра позолоченная висела.

– Жалко, – говорю, – что не сохранилось все это.

– О чем жалеть? Архитектурной ценности этот дом не имеет, – сказал доктор.

Я взглянул на него с удивлением – не шутит ли? Нет, смотрит прямо в глаза, даже с каким-то вызовом. Задиристый светлый хохолок на лысеющем лбу топырился, как петушиный гребешок.

– Как не имеет цены? – говорю. – Это ж дом! Большой, крепкий, полный дорогого убранства.

– Барские покои, и больше ничего.

– Так ведь и народу пригодились бы такие покои.

– Народу нужны другие ценности. Вы еще храм пожалейте. Теперь это модно.

– А что, не жаль храма?

– И храм цены не имеет. Архитектура путаная. Специалисты приезжали, говорят – эклектика.

– И парка не жаль?

– Парк – природа, и больше ничего. В одном месте убавилось, в другом прибавилось. В любую минуту его насадить можно.

Мы стояли возле окна, внизу под нами раскинулся обширный поселок.

– Смотрите, – говорю, – сколько домов. Приличные дома, большинство новых.

– Здесь живет в основном рабочий класс.

– Вот и хорошо, – говорю. – Увеличился поселок за полвека?

– Увеличился.

– А теперь подумайте вот о чем: раньше, ну хоть в тридцатые годы, здесь меньше жило народу, но успевали не только свои рабочие дела делать, но еще и плотину чинить, озеро в берегах держать и парк обихаживать. А теперь что ж, времени на это не хватает или желания нет?

– А это, – говорит, – знакомый мотив. Это все ваше писательское ворчание. Что озеро спустили – это вы заметили, а что над каждой крышей телевизионная

антенна торчит – этого вы не замечаете.

Спорить с ним трудно, почти невозможно: доводы ваши он не слушает, только глаза наострит, тряхнет головой и пойдет чесать без запинки, как на стене читает:

– Есть писатели-патриоты. Их книги читают, фильмы смотрят наравне с футболом и хоккеем, потому что яркие, незабываемые образы. И все играют против наших врагов. А есть писатели-ворчуны, которые всем недовольны. Вот одного такого лечили, а он нас же, медиков, опозорил в своем последнем сочинении. За что, спрашивается?

Да, кажинный раз вспоманешь и в дальней дороге бессмертного писателя земли русской Николая Васильевича Гоголя: «Россия такая уж страна – стоит высмеять одного околоточного надзирателя, как вся полиция обидится».

А хорошо ехать в летнюю пору по мещерской дороге, погляды
